

«Поговори с Гарри. Мне нужно поговорить с Гарри», — это было единственное, что пришло в голову Гермионе. События, произошедшие в этот день Рождества, тяготили ее совесть, и сон был самым далеким от ее мыслей. То, что началось как веселый день, очень быстро превратилось в катастрофу, «...и все из-за взорванной метлы», — возмущалась она.

Она не могла заставить себя думать, что была неправа; в конце концов, не было новостью, что метла была проклята, чтобы причинить вред ее лучшей подруге. Это случилось и раньше, и с печально известным массовым убийцей Сириусом Блэком, по-видимому, снова после Гарри, она была вполне оправданно осторожна. С другой стороны, она знала, что должна была справиться с этим лучше; Гарри был разумным мальчиком и почти всегда слушал ее, когда она рационально и логично объясняла свою точку зрения. Не помогало делу и то, что Рон подстрекал его фактически отрезать Гермиону; она могла честно признать, что была неправа, когда за спиной Гарри отправилась доложить МакГонагалл, но она считала себя правой, когда дело доходило до подозрений в отношении неизвестного отправителя смехотворно дорогого подарка, и в то время, когда Гарри нуждался этого тоже.

Был еще день Рождества или, вернее, ночь, оставалось еще больше часа, но Гермиона все еще была одета в юбку и блузку, а из-за сквозняков в замке ей пришлось натянуть еще и толстый шерстяной джемпер; поздняя ночь означала, что она вернулась в заброшенную спальню для девочек. Не то чтобы она могла оставаться в общей комнате с удрученным Гарри и разъяренным Роном, даже если бы захотела, но все же спать сейчас казалось невозможным. Смирившись с бессонной ночью, Гермиона схватила ближайшую книгу с тумбочки и поплелась в гостиную; она решила поговорить с Гарри первым делом с утра. Даже если она была убеждена в своей правоте, она собиралась проглотить свою гордость и извиниться перед Гарри; она не могла позволить себе потерять свою лучшую подругу, по крайней мере, из-за чертового куска дерева и веток.

Гарри Поттер был теперь тринадцатилетним волшебником, но, сидя в гостиной Гриффиндора в ту рождественскую ночь, он точно знал, что убил, возможно, лучшего друга, который у него был за всю его короткую жизнь. Рон был его лучшим другом, но Гермиона была его лучшим другом, и если до этого дойдет, он, вероятно, поставит свою девушку даже выше Рона. Не то чтобы Рон был плохим парнем, но почти всегда был агрессивен, его рот легко болтался, что добавляло ему жестокости по отношению ко всем, с кем он не был согласен, особенно к Гермионе, и в ту ночь Гарри начал пересматривать свои приоритеты. Гарри был достаточно честен, чтобы признать ту несознательную роль, которую сыграла Гермиона, помогая ему начать преодолевать присущую ему склонность бездельничать вместо того, чтобы тратить время на учебу.

Затем было это Рождество и ожесточенная ссора с Гермионой из-за самой быстрой доступной метлы, Молнии. Он понимал страстное увлечение Рона квиддичем и очевидный гнев по поводу того, что Гарри потерял лучшую метлу, но чего он не понимал, так это собственного нежелания вмешиваться и прекращать скандал. Ой! Гарри злился и на Гермиону, не на то, что она отдала метлу МакГонагалл, чтобы тот разобрал ее и проверил на порчу, а на то, что она забрала самый дорогой рождественский подарок, который у него когда-либо был, и он тоже не знал о ее действиях.

Подарки для него были как вода на пересохшее горло, ничего не получив перед входом в Волшебный мир, но это все равно не оправдывало его поведения по отношению к лучшему

другу. Теперь он волновался, захочет ли Гермиона остаться его другом, особенно после того, как она убежала со слезами на глазах. Успокоившись, Гарри проанализировал свои действия и понял, что он был не прав, «неправильно злиться на Гермиону, ведь она, как всегда, только присматривала за ним», — подумал он с кривой усмешкой. Это случалось и раньше, Квиррелл пытался убить его, когда он был на метле. Он был не прав, подстрекаемый Роном и вымещавший злость на хорошенькой и верной подруге.

Его самоанализ в ночной тишине привел его к поразительному выводу, что не только Рон был виновен в драке с Гермионой, но даже он сам в присутствии Рона проявлял конфронтацию с Гермионой. Он не был глуп, но Рон легко подстрекал его. Это также распространялось на его учебу, которая была действительно важна для хорошей жизни. Он был виновен в том, что его заставили расслабиться и не прилагать все усилия к учебе, и, что еще хуже, он был очень хорош в математике и теперь с настойчивостью Рона уклонялся от своего бесплатного предмета в волшебном мире, арифмантики. Как бы он ни смотрел, были два важных предмета, которые могли бы сильно помочь ему в получении хорошей карьеры. Он считался лучшим студентом в защите, и он пренебрегал тем, что дополнял его лучший предмет, Древние руны. Ему не нравилось то, что Рон направлял его к гаданию и предсказанию его смерти в каждом классе.

Гарри не нравилось, куда заводят его нынешние решения, он определенно не гордился своим поведением и своим нынешним состоянием легкости; он решил, что должен собраться и взять на себя вину, а затем сделать что-то, чтобы исправить это. Но сначала ему нужно было сделать одно важное дело: извиниться перед Гермионой и попросить у нее прощения.

Гарри был не так одинок, как он думал, в общей комнате, не только его лучший друг спустился по лестнице из женского общежития, но и его декан профессор МакГонагалл тоже была там. Профессор была в форме книзл-анимага, патрулируя замок, и, увидев Гарри, собиралась превратиться обратно, чтобы уложить его спать. Профессор трансфигурации держалась подальше от личной жизни студентов, но ей не хотелось ничего, кроме как вмешаться между Гарри и Гермионой, прежде чем они потенциально могли разрушить свою замечательную дружбу. Однако среди ночи было не время для такого разговора, даже если бы она захотела. Однако, прежде чем она успела пошевелиться, МакГонагалл увидела, что Гермиона спустилась.

Гарри чувствовал, что его лучший друг смотрит на него с трепетом и легкой болью, но безошибочный страх в ее глазах был ощутим для него, даже не глядя на нее. Он не был уверен, как он знал все это, даже не оборачиваясь к ней, но в глубине души он знал, что Гермиона стоит возле лестницы и ей больно, и все из-за его незрелости. Безмолвно он поднял левую руку и держал ее, словно приглашая ее прижаться к нему, чтобы он мог обнять ее под мышкой.

Гермиону удивило, что Гарри знал, что она стоит возле лестницы, даже не поворачивая головы, чтобы посмотреть на нее. Она видела, как Гарри поднял руку, и очень хорошо знала этот жест, потому что много дней они сидели в одном и том же положении перед огнем, а его рука обнимала ее за плечи. Она инстинктивно знала, что в ее мире снова все в порядке, и с легкой улыбкой, которая закралась, она села рядом с ним на диван и прижалась к нему, а его рука прижала ее к себе.

Кошка, которой была МакГонагалл, была потрясена увиденным, если бы она уже не была на своих четырех конечностях, она бы быстро познакомилась с плюшевым ковром гостиной Гриффиндора, но все же она едва могла связно мыслить. — Почему... что... Как? были единственными мыслями, пронесшимися в ее голове со скоростью молнии. Наконец, когда она смогла достаточно успокоиться, разветвления того, что она увидела, действительно поразило ее: «Они на пороге формирования связи?» это был единственный известный МакГонагалл аспект отношений, который мог дать ей ответ на удивительное проявление навыков невербального общения, свидетелем которой она стала. Она решила внимательно следить за парой, прежде чем они непреднамеренно испортят уникальные отношения. не то чтобы Гарри и Гермиона отказались от крепкой дружбы, которая у них была, даже если бы они не знали о духовной связи, они были слишком умны. Но прежде чем она сможет сделать какие-либо окончательные выводы, она сначала обратится к книгам, а затем сообщит им об этом.

Прежде чем МакГонагалл успела пошевелиться и поговорить с двумя подростками о поздней ночи, тишину общей комнаты нарушила отчаянная мольба: «Мне так жаль, Гермиона, я не имел права злиться на тебя. чтобы защитить меня, и как мерзавец, я кричал на тебя. Я заставил тебя плакать, и это тоже из-за чего-то, в чем я уверен, что ты был прав, как всегда. Я знаю, что буду в долгу перед тобой, когда правда выйдет наружу. Я знаю, как ты можешь терпеть мое ребячество, но если ты меня простишь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты гордился мной».

Душевное и мучительное признание ее лучшей подруги не только успокоило ее собственную боль, но и придало ей уверенности. Гермиона поняла, что она была одним из самых важных людей в жизни Гарри, если не самым важным. Она также была рада, что Гарри признал свои ошибки и просто не пытался оттолкнуть их или возложить вину на Рона, хотя в сложившейся ситуации в основном виноват рыжий. Гермиона думала просто отмахнуться от извинений теперь, когда ее дружба с Гарри вернулась к тому, что было сегодня утром, но что-то удержало ее. Однако она хотела большего, и если их дружба должна была перерасти в отношения, она должна была показать Гарри, что его слова причиняют ей боль.

Глубоко вздохнув и помолившись, чтобы она не облажалась, Гермиона заглянула в свое сердце в поисках должного ответа, и поэтому это было так же искренне, как и собственное признание Гарри. «Я не буду лгать тебе, Гарри, мне было больно, и очень сильно. Я мог принять эту реакцию от Рона, но от тебя, мне было больнее всего; я даже был готов извиниться перед тобой, просто чтобы спасти нашу дружбу, даже когда я знал что то, что я сделал, было правильным». Она не могла остановить несколько слез, которые текли из ее глаз.

Больше всего на свете слезы, струившиеся по ее лицу, вонзили нож в сердце Гарри; он нежно вытер их и обнял ее крепче. «Не ты извиняешься, Гермиона, это я позволил Рону спровоцировать меня на конфронтацию с тобой. Да, я был расстроен, что потерял один из лучших рождественских подарков, которые я когда-либо получал, но я не должен был допускать этого». мой гнев контролировал мои действия. Я должен был быть рациональным и позволить тебе объяснить твои действия. За то время, что я знал тебя, у тебя всегда была веская причина для твоих действий; ты для меня важнее, а не метла, даже если она был Огненной стрелой».

Слезы Гермионы усилились, но на этот раз они были больше от облегчения, чем от горя, и хотя Гарри был взволнован новым приступом, он не был настолько невежественным, чтобы не

заметить сияющую улыбку Гермионы на ее лице. Так что он просто прижал ее к себе и позволил теплу объятий успокоить свои страхи.

— Гарри... — неуверенно спросила Гермиона, не в силах избавиться от назойливого чувства, что это что-то важное и нужно вынести это на всеобщее обозрение, — я никогда не думала, что ты материалист, я знаю, что у тебя достаточно денег. купить себе «Молнию», если понадобится...»

Гарри не был уверен, хочет ли он рассказать кому-нибудь о своей ужасной жизни до приезда в Хогвартс, но это была Гермиона, его лучший друг. Тепло внизу живота и чувство спокойствия, которое он чувствовал, обнимая Гермиону, были тем, чего он хотел всю свою жизнь. Гермион Он не хотел иметь никаких секретов от девушки, которую он надеялся сделать не только своей девушкой, но и спутницей жизни, то есть, если она не убежит в горы, услышав его рассказ, "Вы должны действительно понять, почему Я был зол, Гермиона, единственные рождественские подарки, которые я когда-либо получал, были от тебя, Рона и его семьи. Первый подарок, который я получил от Дурслей, был пятьдесят пенсов..." Гермиона не была уверена, что это такой уж плохой подарок, пока Гарри не закончил. , "... и это было в течение моего первого года здесь.

Гермиона никогда не была так потрясена и сердита, как сейчас; ей действительно хотелось разглагольствовать и ругаться, но она сдерживала себя, чтобы не смущать Гарри. Кроме того, ей было так комфортно в его объятиях, и если Гарри чувствовал что-то похожее на нее в данный момент, она не хотела лишать его комфорта. Она лишь сочувственно покачала головой и крепче обняла его за талию, придвинувшись всего на дюйм к его коленям. МакГонагалл тоже с трудом сдерживала себя, чтобы не аппарировать в дом Дурслей и поделиться с ними своим мнением, а также взять Гарри на руки и утешить его. О последнем позаботились гораздо лучше, чем она могла сделать, и поэтому удовольствовалась тем, что оставалась в тени и слушала.

«Моим первым настоящим подарком была Хедвиг от Хагрида, и поэтому кто-то еще дал мне что-то действительно ценное, а затем забрал это, заставил меня вести себя с тобой как придурок». Теперь, когда он излил свое сердце, он был готов пройти дистанцию: «Единственные значимые вещи, которые я получаю, - это несколько шоколадных лягушек, свитер домашней вязки и книги от вас». Гарри вдруг понял, как его слова могут быть неправильно истолкованы, и поспешил успокоить ведьму в своих объятиях... или это было простое: «О! Я очень люблю их и мне очень нравятся книги. мысль о том, чтобы владеть чем-то гораздо более ценным и что это будет последним на рынке, затуманила мои эмоции».

Теперь, когда плотина прорвалась, хлынул поток; Гарри излил все рассказы о словесных и эмоциональных оскорблениях, которые он перенес от рук своих родственников. Если не считать нескольких ударов по костяшкам пальцев, когда он потянулся за чем-то в руке своего кузена от своей тети, он был благодарен, что оскорбление не было физическим, если это было так, то он был совершенно уверен, что не сможет помешать Гермионе доставить это им много раз. складывать. Он рассказал ей о кошмарах, связанных с роковой ночью Хэллоуина, о своих опасениях, что каким-то образом замешан в борьбе за власть между «светлой» и «темной» сторонами, а если и был, то о своих вопросах об отсутствии каких-либо специализированных обучение для него, чтобы выжить, и, наконец, его собственное отсутствие мотивации хорошо учиться в школе из-за болезненных напоминаний о жестоком обращении, если он будет лучше,

чем болван, который был его двоюродным братом.

По мере того, как история Гарри продолжалась, росла и боль Гермионы от ужасов, которые пришлось пережить его лучшему другу за его короткую жизнь. Если она думала, что отсутствие друзей в начальной школе и все насмешки, которые ей приходилось терпеть, были болезненными, то она не могла понять, какую боль это должно было причинить Гарри. Ей пришлось столкнуться с этим от людей, которые не были ей близки, но это так называемая семья Гарри подвергла его жестокому обращению. К лучшему, что Гермиона не знала о той непреднамеренной роли, которую директор школы Дамблдор сыграл в воспитании Гарри, иначе она бы выместила свой гнев на престарелом волшебнике. Однако у МакГонагалл не было таких сомнений, и она поклялась делать все возможное не только для того, чтобы ругать его босса, но и с этого момента активно интересоваться благополучием Гарри.

После хорошего плача в гостиной воцарилась дружеская тишина. Увидев, что Гарри в надежных руках, МакГонагалл начала молча уходить на последний патруль, прежде чем лечь спать; она была воодушевлена, услышав, как Гарри заявил о своем намерении выучить арифмантику и древние руны от Гермионы, и радостное согласие ведьмы. 'Да! Гарри Поттер был в надежных руках».

Оба подростка тоже были эмоционально истощены и устали, но не хотели расставаться даже на ночь. Набравшись храбрости, Гарри озвучил свою мысль: «Гермиона, мы можем переспать вместе?»

Гермиона посмотрела на него с открытым ртом, и доли секунды, которая потребовалась ей, чтобы понять, что имел в виду Гарри, было достаточно, чтобы зеленоглазый волшебник заерзал, но прежде чем он успел попытаться уточнить или, что еще хуже, отступить, Гермиона заставила его замолчать, приложив указательный палец к его губам. . «Я бы очень хотела этого, Гарри. Я знаю, что мы слишком молоды для этого...» Она ярко покраснела от видения, которое непреднамеренно вторглось в ее разум, «... но я хотела бы, чтобы ты обнимал меня, пока я сплю, и уж точно не только сегодня вечером, — закончила она.

Глядя друг другу в глаза, они были почти потеряны для мира, и ничто другое в тот момент не имело значения. Гарри и Гермиона инстинктивно двинулись вперед, чтобы встретиться в очень сладком и очень приятном первом поцелуе. Первый поцелуй истинной любви был необходим, чтобы инициировать интимный обмен своей душой со своим идеальным партнером или «второй половинкой», но этого было недостаточно, чтобы выполнить условия для укрепления и стабилизации связи, но все же это был долгожданный первый шаг для Гарри. и Гермиона. Им понадобится абсолютное доверие и опора на другого в грядущие дни, чтобы успешно справиться с грядущими испытаниями, но сегодня вечером двое подростков были в блаженстве.

Создатель решил слегка подтолкнуть их, чтобы помочь своим двум величайшим творениям, а попутно и миру в целом. Нежный поцелуй превратился в полноценный поцелуй, полный страсти и желания, но двое подростков были более уравновешенными, чем любые другие в их возрасте, и поэтому отстранились, прежде чем их действия привели к чему-то, что привело бы к сожалению.

Тяжело дыша, они поддерживали друг друга, и, отдышавшись через несколько минут, Гарри взял руки лучшего друга в свои, — Гермиона... — начал он с трепетом, — я... я не хочу того, что на несколько минут. кайф, я хочу что-то, что останется на всю жизнь. Как вы думаете, у нас есть шанс на это?"

Слезы брызнули из коричневых глаз невольно, но у Гермионы также была красивая улыбка на лице: «Мне хотелось бы думать, что у нас есть больше, чем шанс для этого Гарри».

"Блестящий!" У Гарри чуть не закружилась голова от счастья, и он наклонился, чтобы украдкой поцеловать его, прежде чем взять Гермиону за руку. В спешке добравшись до общежития мальчиков-третьекурсников Гриффиндора, он чуть не затащил ее вверх по лестнице, и Гермиона не могла не рассмеяться над его выходками; тот факт, что ее опасения потерять единственного мальчика, чья дружба была для нее дороже, чем все деньги в мире, были необоснованными, также добавлял ей счастья.

Спальня была почти пуста, если не считать Рона, который самозабвенно храпел, а Гермиона бросила на рыжеволосого испепеляющий взгляд. Она чувствовала, как будто тяжелое бремя было снято теперь, когда ей больше не нужно было беспокоиться о том, чтобы угодить мальчику; с ней был ее очаровательный принц. С застенчивой улыбкой Гермиона присоединилась к Гарри на кровати, и, наложив ограниченное количество известных им чар конфиденциальности, они уютно устроились под теплыми одеялами.

Гарри и Гермиона попытались расслабиться, но поскольку они были в повседневной одежде, им было слишком неудобно заснуть. Близости и ощущения тепла, пронизывавшего все их существо, было недостаточно, чтобы дать им необходимый отдых. Через несколько минут ерзанья Гермиона разочарованно фыркнула и села, встревожив Гарри: «Пожалуйста, останься!» — умолял он.

Гермиона смягчила взгляд и повернулась к Гарри. Она наклонилась вперед, чтобы мимолетно поцеловать его. — Я никуда не пойду, Гарри... — она на мгновение замялась, а ее щеки начали краснеть от смущения. Гермиона наклонила голову, избегая взгляда Гарри, но продолжила: — Эта одежда очень неудобна, и я обычно сплю в пижаме. Вдобавок ко всему в моем нижнем белье мне неудобно засыпать.

Гарри тоже почувствовал, как горят его щеки, но все же кивнул: — Ага! Я понимаю... — а затем поймал взгляд Гермионы, прежде чем заикаться: — ...Я привык спать только в трусах-боксерах...

Глаза Гермионы расширились от удивления, не из-за того, что он будет спать почти голым, а из-за того, что Гарри все время признавался ей в этом, в то время как мысль об объятиях в таком состоянии почти заставила ее потерять сознание. Хотя мысль о том, чтобы раздеться перед мальчиком/девочкой, не была бы так легко воспринята ни одним из них, Гарри и Гермиона не могли сдерживать желание обняться той ночью, и если им пришлось делать это без одежды, то они даже были готовы это сделать. Если они и думали, что к этому есть неестественное принуждение, то никогда не говорили об этом вслух. Гарри встретился глазами со своим лучшим другом, а теперь и девушкой, и было достигнуто негласное соглашение. В

мгновение ока, не вставая с кровати, Гарри оделся только в шорты, возможно, бросив невольный вызов Гермионе.

Гермиона успокоила свое бешено колотящееся сердце и, вытянув вперед ноги, начала лезть под юбку. Гарри тяжело сглотнул, и, хотя ему очень хотелось проследить за ее руками, ему удалось дернуть голову назад, чтобы встретиться с ней взглядом. Это соображение и очевидная нервозность в поведении Гарри заставили Гермиону ухмыльнуться, несмотря на то, что ее собственное сердце бешено колотилось в груди. С озорной улыбкой она не спеша спустила трусики со своих ног, которые теперь были вытянуты перед ней и почти лежали на коленях у Гарри. Напряжение в воздухе вызвало у них обоих мурашки по коже, и воздух казался очень тяжелым, заставляя их делать глубокие вдохи, чтобы успокоить бешено колотящиеся сердца. Решимость Гарри сохранялась только до тех пор, пока руки Гермионы были спрятаны под ее юбкой, и как только он смог увидеть одежду,

Это была простая белая хлопчатобумажная пара с каким-то цветочным узором по всей поверхности, простота которой Гарри легко могла сравниться с чудесной девушкой перед ним, и это действительно позволяло ему улыбаться. Он осторожно протянул руку и взял пару из сопротивляющихся, но все еще смягчающихся рук Гермионы, вызвав покрасневшее предостережение. "Гарри!" — взвизгнула она.

«Типичная Гермиона», — пробормотал он больше себе под нос, его глаза были прикованы к трусикам в руках, но мысли его были на годы вперед. Время, когда он мог бы снять их и сделать с Гермионой то, что доставило бы им обоим величайшее удовольствие. Эмоции, мелькнувшие на его лице, заставили румянец на лице Гермионы подняться до невиданных высот и усилили в Гермионе чувство сопричастности. Ее мысли почти совпадали с мыслями ее парня и вызвали такое спокойствие в ее чувствах, что она не подвергала сомнению свои действия. Прежде чем она успела среагировать, Гарри сложил одежду в руках и сунул ее под подушку. Гермиона не могла решить, сердится ли она, польщена или просто удивлена, и поэтому решила вместо этого застенчиво улыбнуться ему. Однако она не собиралась сдаваться так просто и игриво зарычала, чтобы скрыть свое огорчение, что странным образом вызвало у нее острые ощущения, и прыгнула на Гарри, пытаясь схватить свое нижнее белье; ее сердце не было в этом, и поэтому Гарри легко смог защитить свой приз от нее.

Гермиона внезапно осознала, в каком положении она находится; ей очень хотелось провести ночь с Гарри, но в приятной рассеянности она забыла об обещании, данном профессору МакГонагалл. Гарри был достаточно проницателен, чтобы понять, почему Гермиона вдруг встревожилась, и, мягко улыбнувшись ей, потянулся вперед, чтобы вытащить маховик времени, который был спрятан под ее блузкой, из его заключения. Гермиона ахнула, но прежде, чем она смогла даже попытаться объяснить объяснение, как из-за чувства вины за то, что скрывала это от своей лучшей подруги так долго, так и из-за ее обещания, Гарри заставил ее замолчать искренним поцелуем: как и ты, Гермиона, но даже я вижу, что ты одновременно в двух классах. После небольшого исследования я смог догадаться об этом...»

Со вздохом облегчения Гермиона признала, что это действительно так, и от души хихикнула, когда Гарри заверил, что Рон как никогда невежественен. Вскоре Гермиона сняла рубашку с длинными рукавами и лифчик; теперь, когда она сделала шаг к тому, чтобы довериться Гарри, ей было легко сидеть перед ним полуобнаженной, и на удивление в ней не было даже намека на страх или колебание. Тот факт, что Гарри не пялился на нее или, что еще хуже, не

использовал ее неправомерно и не откладывал, увидев, что ее активы меньше среднего, также, вероятно, помог ей успокоиться; она доверила ему свою жизнь, но теперь она была уверена, что может доверить ему и свою добродетель. Гермione казалось, что ее магия каким-то образом призывает ее сделать последний шаг, который сделает ее «Единым» с Гарри.

Гарри также был удивлен той легкостью, с которой Гермione, казалось, смотрела на него в одной юбке и без шва, закрывающего ее торс, в то время как он был в одних трусах-боксерах, и полное отсутствие какой-либо неловкости между ними. Он бы никогда не раздевался так открыто в общепитии из-за собственной неуверенности в отношении своего истощенного тела, но здесь он обнажался перед Гермioneй, пусть это был только его торс, но все же. Гарри откровенно посмотрел на нее, не выглядя при этом вульгарным, и у него перехватило дыхание от чистой красоты его лохматой подружки. Он всегда знал, что у нее прекрасный характер: «Я ошибался перед Гермioneй, ты не просто хорошенькая, ты прекрасна», — прошептал он ей со всей нежностью, на которую был способен.

Гермione улыбнулась ему, но подозревала, что Гарри сказал это только из вежливости в отношении ее раздетости и, вероятно, чтобы уменьшить ее смущение. Она никогда не считала себя красивой, не говоря уже о чем-то красивом. Она знала, что большинство мальчишек ее года привыкли бросать тонкие взгляды на девочек, которых открыто признавали красивыми, как Парвати, Лаванду или даже темнокожую Кэти, но, что более важно, они полностью ее игнорировали. — Гарри, я знаю, что я не... — начала она, но Гарри заставил ее замолчать.

Гарри широко улыбнулся ей: «Тебе нельзя унижать себя. Тебе разрешено только говорить: «Спасибо за комплимент, Гарри» или еще лучше: «Я знаю, что я красив, и я горжусь этим».

Гермione глубоко вздохнула, когда кое-что поняла; Гарри никогда не заставлял ее чувствовать себя неполноценной. "Спасибо, Гарри", она любезно приняла похвалу. Гарри вручил ей выброшенную рубашку, но теперь, когда ей было странно удобно перед ним, она почувствовала, что носить рубашку было излишним, поэтому спокойно сложила ее и положила рядом с подушкой вместе с одеждой Гарри и ее оставшейся одеждой.

— Я полагаю, ты тоже этого хочешь? — спросила она, перебирая простой белый лифчик. Гарри взял его, не моргнув глазом, и, сложив, положил вместе с ее трусиками под подушку.

«Это лучший подарок, который у меня был до настоящего времени», - Гарри шевельнул бровями с нахальной ухмылкой, отчего лицо Гермione залило румянцем. «На следующее Рождество я соберу у тебя другой набор, который я сам сниму с тебя», — с надеждой спросил он.

Гермione закусила нижнюю губу и нерешительно сказала ему: «Может быть, тогда я не буду носить никакой юбки...»

Глаза Гарри на мгновение расширились, но быстро пришли в себя. — Ага! Наверное, ты бы тоже снял с меня шорты... — нерешительно добавил он.

Кому-то другому их разговор мог показаться сосредоточенным на сексе, но для Гарри и Гермионы это было обязательство оставаться вместе так долго, как они могли. Других слов не было произнесено, поскольку они поняли, что предлагает другой. Гермиона прижалась к Гарри и устроилась на ночь, положив голову на изгиб его шеи. Гарри крепче сжал в объятиях замечательную девушку, которая, как он теперь был уверен, будет с ним до конца, прикосновение их обнаженных грудей вызывало в нем чувство чистого экстаза. Гарри чувствовал, как будто его магия зовет Гермиону, и смутно осознавал чувство удовлетворения, которое не было полностью его; он подозревал, что это исходит от Гермионы, но как это возможно?

В то время как его защитники были довольны, создатель проклинал себя: «Почему он должен был создавать людей с сильными моральными ценностями?» он молча кипел. Вдобавок ко всему, он сделал Гарри Поттера воплощением морального компаса, и когда он нуждался в них, чтобы завершить их связь, Гарри и Гермиона были довольны, по крайней мере, сейчас, просто чтобы разделить свою любовь и привязанность без физической близости. К счастью, у этих двоих еще было время, чтобы действительно поднять свои отношения на ступеньку выше... «Хм, может быть, он мог бы найти другие способы укрепить их связь, а также заодно забрать часть души Волдеморта из Гарри Поттера», — подумал он. . Создатель оставил двоих, чтобы выполнять свои обязанности творца; его расписание почти всегда было заполнено, и у него были лишь редкие шансы, когда он мог сосредоточиться на надежде на будущее. Он был предан обещанию, которое дал себе, и поэтому был полон решимости следить за жизнью Гарри Поттера и Гермионы Грейнджер, по крайней мере, до тех пор, пока они не сблизятся. Творец вздохнул про себя; новый поворот означал, что ему предстояло много исследований.

Убаюкивая друг друга, Гарри и Гермиона не заботились о мире, ничто их не останавливало, а так как были каникулы, им не нужно было рано вставать. Они были на небесах даже на земле, и, когда часы пробили полночь, они могли без сомнения сказать, что обнимать своего лучшего друга во сне было лучшим подарком на Рождество, по крайней мере, до тех пор, пока не пришло что-то еще, что превзошло бы этот опыт. «Наверное, на следующее Рождество», — подумал Гарри. Все эти мысли и сильное желание сделать больше с Гермионой вызвали пульсацию в его нижней части, что она обязательно заметит; Гарри был огорчен, а также немного опасался, как бы он не отпугнул свою девушку, но прежде чем он успел что-либо сделать, Гермиона выразила свою глубочайшую озабоченность: «Гарри, что это между нами?»

Он уловил беспокойство в ее голосе и поэтому попытался успокоить ее: «Гермиона, ты мой лучший друг...», но прежде чем он успел продолжить, Гермиона прервала его: «... ты имеешь в виду, что мы просто лучшие друзья и что? Это то, чем мы сейчас занимаемся? Друзья с привилегиями?» — спросила она с болью в голосе. Она попыталась отодвинуться, но Гарри просто прижал ее к своей груди.

Гарри вздохнул; он был уверен, что неуверенность Гермионы не позволит ей думать, что он готов к более глубоким обязательствам с ней. Он осторожно начал массировать ее спину кругами, пытаясь успокоить: «...ты всегда будешь моей лучшей подругой, Гермиона, и я хочу, чтобы это что-то значило для нас, а не просто попытка удовлетворить наши порывы. жизнь."

Гермиона чуть не завизжала от восторга. Она запечатлела крепкий поцелуй на его губах и вернулась, чтобы крепко обнять его; эмоции, охватившие его, и восторженная реакция Гермионы побудили Гарри вербализовать свое обязательство: «Гермиона, я хочу, чтобы ты

всегда была в моей жизни. Я хочу быть с тобой одним целым. меня», а только «нас». Когда придет время, ты выйдешь за меня?»

Он был напуган слезами, которые грозили политься из глаз Гермионы, но сияющая улыбка успокоила его. Гермиона наклонилась, чтобы поцеловать его, и невидимое для них обоих мягкое золотое сияние окутало их на несколько секунд, прежде чем рассеяться. Их восприимчивость к эмоциям друг друга немного увеличилась, но, поскольку Гарри и Гермиона были в состоянии делать это в течение долгого времени, ни один из них даже не осознавал этого изменения. "Я был бы рад Гарри, это была бы моя мечта", ответила ему Гермиона, ее глаза сияли от любви, которую она питала к своей черноволосой лучшей подруге.

Положив голову ему на грудь, она пошевелила нижней губой: — Ты уверен, что было бы нормально иметь магглорожденную дамой Древнего и Благородного дома Поттеров? ... и второй раз подряд...

Гарри был ошеломлен: «Леди? Какой Древний и Благородный Дом? Что вы имеете в виду?»

Гермиона потеряла дар речи; у нее была только одна мысль: «О боже!»

Общая сила, которую он не знает

На следующий день после Рождества в замке, где располагалась школа чародейства и волшебства Хогвартс, было очень тихо. Большинство студентов, которые решили остаться в замке на каникулы, все еще лежали в постели, но одна ведьма с седеющими волосами, аккуратно собранными в пучок, кралась по пустынным коридорам, намереваясь добраться до кабинета директора. Минерва МакГонагалл была на задании; она была в ярости после того, как накануне вечером услышала жалобы Гарри, и ей нужны были ответы.

«Директор», — поприветствовала она престарелого волшебника, и ее резкий тон не мог не вызвать удивления у обычно невозмутимого человека. Альбус Дамблдор никогда раньше не чувствовал себя школьником, даже когда был школьником, но его заместитель была грозной женщиной и теперь грозила пробудить в заблудшем ученике все эмоции.

«Минерва», — поприветствовал он ее с явным весельем, пытаясь придать ей веселья и вывести ее из состояния испуг, но ничего не сделал, чтобы успокоить свои нервы.

Профессор трансфигурации начала бы топтать ногой в нетерпении, ожидая, пока директор осознает серьезность ситуации, если бы она имела обыкновение это делать. Как только она убедилась, что директор сосредоточился на ней, она начала нападать: «О чем ты думал, Альбус! Я же говорила тебе... я говорила тебе, что сестра Лили не подходит для ухода за маленьким Гарри...» и так начался потоп, который покрывал эмоциональное насилие, искреннюю неуверенность в себе, страх быть отвергнутым у подростка и так далее.

К его чести, Дамблдор приложил огромные усилия, чтобы по-настоящему понять истинные

ужасы, которые Гарри претерпел до поступления в Хогвартс, и, честно говоря, это потрясло его. Он всегда пытался убедить себя, что то, что он делал, было правильным, и в каком-то смысле так оно и было, но теперь, когда ему дали отчет о его проступках в отношении того же подростка, директор был потрясен, как никогда раньше. Даже после того, как МакГонагалл закончила ругать своего босса, Дамблдор не попытался оправдать свои действия или даже попытаться ответить, а остался погруженным в свои мысли и собственное личное наказание. Единственным признаком того, что это действительно был выговор, была уродливая хмурость, украшающая его обычно безмятежное лицо.

Наконец он пошевелился, чтобы спросить: "Минерва, что стало причиной этого?"

МакГонагалл знала о своих собственных ошибках в отношении размещения младенца Гарри и поэтому взяла свой гнев на себя, а также на действия Дамблдора по отношению к тому же человеку. Ее лицо смягчилось, хотя, увидев выражение искреннего сожаления на его лице, и когда ее гнев испарился с ее тирадой, МакГонагалл ответила с большей вежливостью, чем она почувствовала, как только вошла в офис. Тяжело сев на стул по другую сторону стола, она сняла очки и устало потерла глаза. — Его страх потерять мисс Грейнджер как друга... — ответила она. Она приложила большие усилия, чтобы связать взаимодействие между двумя подростками, свидетелем которых она была, с особым вниманием к эмоциональному смятению, которое они оба испытывали. Страх в глазах Гарри, когда он извинялся перед мисс Грейнджер, чуть не довел стоического профессора до слез.

Дамблдор был действительно сбит с толку тем, что это было так важно, да, потерять друга было совсем нехорошо, но у Гарри были другие друзья, и он никогда не видел между ними ничего, кроме дружбы. Почему же его заместитель намекал, что потеря мисс Грейнджер будет очень большой неудачей? «...и это должно было беспокоить?» — спросил он, опасаясь ответа, но в то же время с любопытством.

МакГонагалл сурово посмотрела на него, предвосхищая реакцию директора: «Мистер Поттер и мисс Грейнджер начинают формировать связь, подобной которой не было уже много лет».

Профессор трансфигурации не упустил бы ее оценку, так как директор чуть не впал в панику при мысли об освобождении Гарри Поттера благодаря духовным узам, которые считались более сильными, чем даже брачные узы. Его первым шагом было насильно разлучить двух подростков и, возможно, даже увеличить дистанцию между ними, на которую намекала МакГонагалл. Наконец, здравый смысл возобладал, когда заместитель директора продемонстрировала необузданные эмоции, описывая суматоху юного Гарри только от одной мысли о потере лучшего друга, и теперь, когда они, вероятно, признали бы свои чувства друг к другу, любая попытка разлучить их могла бы нанести вред самой их жизни.

Борясь с желанием вмешаться, Дамблдор тяжело опустился в собственное кресло, потирая глаза, пытаясь сместить образ разгневанной Лили Поттер, если она была причастна к его внутренним размышлениям. Восстановив самообладание, директор долго смотрел на своего заместителя, прежде чем решил отказаться от своих секретов, а также впервые заметно изменил свое обычное желание держать вещи при себе. — Как только Лорд Волдеморт был побежден, в ту же ночь мистер Малфой решил взять на себя опеку над юным Гарри. Это заявление было встречено слышимым вздохом со стороны обычно невозмутимого профессора,

и поэтому, одарив ее слабой улыбкой, директор продолжил: «Его заявление о том, что он находится под проклятием империуса, было легко принято большинством элитных чистокровных в Визенгамоте, и хотя Барту Крауч старший не хотел отпускать Пожирателей смерти на свободу, даже он знал, что для того, чтобы стать министром магии, ему нужна их поддержка. Он был готов разрешить опеку под предлогом, что Малфои были дальними родственниками Поттеров через Блэков. Самым первым шагом к этому было запечатать завещание Поттеров под предлогом того, что Сириус Блэк, очевидный главный бенефициар, был пожирателем смерти. Я уверен, что если бы завещание было обнародовано, мистера Блэка, как волшебного крестного отца малышки, немедленно бы освободили...» Самым первым шагом к этому было запечатать завещание Поттеров под предлогом того, что Сириус Блэк, очевидный главный бенефициар, был пожирателем смерти. Я уверен, что если бы завещание было обнародовано, мистера Блэка, как волшебного крестного отца малышки, немедленно бы освободили...» Самым первым шагом к этому было запечатать завещание Поттеров под предлогом того, что Сириус Блэк, очевидный главный бенефициар, был пожирателем смерти. Я уверен, что если бы завещание было обнародовано, мистера Блэка, как волшебного крестного отца малышки, немедленно бы освободили...»

— Мистер Блэк дал магическую клятву? — недоверчиво спросила МакГонагалл.

Дамблдор тяжело вздохнул, казалось, что годы настигли его: «Да, мистер Блэк не мог причинить вреда молодому мистеру Поттеру, кроме как убить себя. Я пытался яростно протестовать против этого, но поскольку на церемонии присутствовали только очень мало близких друзей из-за проблем с секретностью, никто не хотел мне верить. Поскольку другие свидетели были либо недееспособны, либо над кем-то вроде мистера Люпина насмеялся, я очень быстро заставил замолчать».

МакГонагалл потеряла все до последней капли своего гнева и негодования из-за сожаления, охватившего престарелого волшебника, она встала со своего места по другую сторону стола и подошла, чтобы встать, положив руку на плечо мужчине. В этот момент ее уважение к Дамблдору достигло никогда небывалых высот. «Дядя, разве ты не доверяешь мне разделить твоё бремя? Ты должен позволить мне и тем, кому ты доверяешь, помочь тебе...»

"Дядя!" Дамблдор начал, искренняя привязанность в ее тоне вызвала у него слезы на глазах: «... Прошло очень много времени с тех пор, как я слышал это».

МакГонагалл ласково улыбнулась своему дяде: «В конце концов, ты мой великий дядя», но она быстро потеряла свою веселость и обратила свой суровый взгляд на него, напомнив ему о своем предыдущем предостережении.

Дамблдор промокнул глаза из-под очков, чтобы вытереть скопившуюся влагу, прежде чем продолжить свой рассказ: «Можете себе представить, как я опасался оставить мальчика, победившего худшего из волшебников, с его собственным последователем, к сожалению, Крауч и его подхалим Фадж были полны решимости Пожалуйста, Малфой, и с завещанием, я принял решение держать молодого Гарри подальше от волшебного мира». Он вздохнул, когда взгляд его племянницы еще не смягчился, и так закалил его нервы и выложил карты на стол: «Это был вопрос не доверия, дитя Минервы, а вопрос сохранения. Я сам был на тонком льду и вероятно, был бы лишен моей власти, если бы не бесславный уход Крауча с поста власти. Мое

желание состояло в том, чтобы уберечь вас всех от той же участи и сохранить вашу репутацию в целости».

Дамблдор мягко посмотрел на профессора трансфигурации; его собственная сдержанность спровоцировала отдаленные отношения с его внучатой племянницей, хотя он видел ее ежедневно. Он не особо ценил ее почти постоянную поддержку и теперь сожалел о собственном нежелании отказаться от своей отчужденности. С этого в нем начались перемены, и теперь он был убежден, что для Гарри будет лучше, если ему станет известно о его ситуации, чтобы он был лучше подготовлен к встрече с будущим, а не держа его взаперти. Приняв это решение, он повернулся к своему заместителю с улыбкой, полной благодарности: «Спасибо, моя дорогая, я считаю, что мне нужно поговорить с мистером Поттером и заставить его понять роль, которую он должен...» он ненадолго замолчал. и с отсутствующим взглядом в глазах поправился: "... может быть должны сыграть в разгроме лорда Волан-де-Морта, а также его роль в обществе. После окончания срока я мог бы сопровождать его в Гринготтс, чтобы он мог узнать о своем наследстве и, если возможно, убедить гоблинов хотя бы открыть завещания его родителей; если есть какие-либо доказательства, которые могли бы освободить мистера Блэка еще лучше».

МакГонагалл кивнула, одобряя перемену в мыслях Дамблдора. Этот человек имел обыкновение устраивать жизнь других, но в конце концов понял, что его вмешательство на самом деле оказывается вредным. Однако у нее был вопрос: «А как насчет того, чтобы сообщить мистеру Поттеру и мисс Грейнджер о шансах их связи? Должны ли мы сообщить им и рискнуть получить неблагоприятную реакцию или, боюсь, гораздо более положительную реакцию». что может привести их к поступку, о котором они потом могут пожалеть».

Дамблдор усмехнулся очевидному дискомфорту от образов, которые могли непреднамеренно вторгнуться в мысли его заместителя, но очень быстро протрезвел: «Я считаю, что было бы очень хорошей идеей предупредить их как можно скорее, Минерва. В этом случае ничего хорошего не может быть. выйти из того, чтобы держать это в секрете».

Когда его внучатая племянница посмотрела на него широко раскрытыми глазами, он решил убедить двух гормональных подростков в том, что может произойти, если их не сдерживать в своих действиях: «Если они сделают последние шаги, чтобы завершить свою связь до своего совершеннолетия, тогда они будет считаться мужем и женой в глазах магии, а также закона. Более того, основным результатом такой связи является обеспечение продолжения рода, и поэтому любые меры контрацепции не сработают, и первая время, когда они будут заниматься любовью, приведет к зачатию...»

Хотя это была очень тревожная мысль, она не могла остановить яростный румянец, заливший щеки профессора трансфигурации. Дамблдор поблагодарил богов за возможность проявить легкомыслие и саркастически заметил: «Хотя мы с тобой ничего не знаем, твой дед сказал мне, какое огромное удовольствие доставит такой поступок. новости, но в то же время проповедовать сдержанность».

МакГонагалл, наконец, смогла взять свои эмоции под контроль, понимая серьезность ситуации, в которой могут оказаться Гарри и Гермиона, если они не будут знать обо всех последствиях, и пообещала следить за ними. «Если у вас есть какие-либо материалы о такой связи, я думаю,

они будут признательны», — сказала она.

Директор немедленно согласился и пообещал просмотреть свою огромную коллекцию книг и разрешить двум подросткам брать любые книги, которые могут им понравиться по данной теме. Посидев несколько минут в дружеском молчании, Дамблдор высказал свои мысли: «Я думаю, что передам фамилию Дамблдора всем детям, которые могут родиться у Гарри и мисс Грейнджер в результате их союза, после разговора с моим братом курс."

МакГонагалл с готовностью согласилась с этой мыслью и поддержала ее: «Я уверен, что дедушка не будет возражать против этого, и я думаю, что было бы хорошо, если бы фамилии Дамблдора и МакГонагалл сохранились, в отличие от фамилий четырех основателей».

Пока между двумя старшими сотрудниками Хогвартса шла серьезная дискуссия, Гарри и Гермиона приветствовали друг друга нежным поцелуем в гостиной Гриффиндора, прежде чем спуститься в Большой зал на завтрак. Несмотря на то, что они продолжали разговаривать до поздней ночи, они хорошо отдохнули, и Гарри заявил, что это был лучший ночной сон за очень долгое время. Гермиона проснулась с улыбкой на лице задолго до Рона, а так как это был праздник, это не составило особого труда. С неторопливым и нежным звончком для пробуждения, сопровождавшимся множеством поцелуев и хихиканьем, она покинула мужскую спальню, чтобы подготовиться к новому дню.

Гарри ждал встречи с Гермионой в гостиной и поприветствовал ее со сдержанным энтузиазмом, который тут же насторожил ее, что Гарри уже поделился новостями с Роном.

— Какова была его реакция, Гарри? — осторожно спросила она.

Гарри все еще пытался обработать информацию, полученную в его разговоре с Роном, и он мог честно признать, что был сбит с толку: «Он действительно был сбит с толку...»

"Хм?" Гермиона была так же сбита с толку.

«Да, — пожал он плечами, — он был сбит с толку тем, почему мне интересно проводить с тобой время, а также заниматься учебой. Несмотря на то, что я пытался объяснить, он не мог понять, что то, что я хочу с тобой, будет для всю жизнь, а не мимолетное увлечение».

Гермиону это немного оскорбило; она все еще злилась из-за инцидента с метлой, и называть ее мимолетной фантазией ее раздражало. Однако Гарри еще не закончил: «Что меня беспокоило, так это напряженное выражение его глаз, когда он заявил, что Джинни убеждена, что она будет моей женой...»

Глаза его девушки превратились в блюдца, а все ее лицо начало краснеть от надвигающегося взрыва. Гарри, к счастью, очень хорошо знал признаки и поэтому отвлек ее своевременной колкостью на их общего друга: «Я думаю, что он все еще находится в фазе «девочки противны», — пошутил он.

Гермиона всегда думала, что их рыжеволосая подруга обладает эмоциональным диапазоном чайной ложки, и комментарий Гарри лишь укрепил это мнение, и поэтому с легкой улыбкой, дернувшей уголки рта, рискнула: — ... а как насчет тебя?

Гарри украдкой поцеловал и ухмыльнулся: «Меня выкинуло из этой фазы, как только мои глаза увидели милого книжного червя с густыми волосами, вошедшего в мое купе Хогвартс-экспресса».

Мрачные мысли толстых друзей и девушки, решившей выйти замуж за «Мальчика-Который-Выжил», были временно забыты в обретенном блаженстве, когда Гарри и Гермиона взялись за завтрак, взявшись за руки.

<http://tl.rulate.ru/book/74868/2106215>